

АГИЛЕТА

СВЯТАЯ
С ТЕМНЫМ ПРОШЛЫМ

Агилета

Святая с темным прошлым

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8644621
Агилета. Святая с темным прошлым: авторский текст;*

Аннотация

«...Женщины в истории всегда в тени. Если и упадет на какую-нибудь из них отсвет известности, то следует оглядеться по сторонам в поисках мужчины, щедро озаряемого славой. <...> Однако есть и те, чью роль в судьбе великого человека трудно описать привычными словами. Такой была Василиса Покровская. Кем приходилась она тому, кто озарил ее имя? Она подарила ему жизнь, не будучи его матерью. Она любила его, не став, однако, той, кого привычно именуют «любовница». Она была его спутницей, но спутницей «святой», как ее недоуменно величали. Однако к лику святых ее никто не причислял. И наверняка можно сказать только одно – она была удивительной женщиной!...»

Содержание

Часть первая	7
I	7
II	9
III	12
IV	17
V	22
VI	28
VII	33
VIII	36
IX	42
X	46
XI	51
XII	54
XIII	59
XIV	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Агилета

Святая с темным прошлым

*По-видимому, на свете нет ничего, что не могло
бы случиться.
Марк Твен*

* * *

Женщины в истории всегда в тени. Если и упадет на какую-нибудь из них отсвет известности, то следует оглядеться по сторонам в поисках мужчины, щедро озаряемого славой. И мало кому приходит в голову, что слава эта соткана зачастую именно женскими руками. Воспитательницы, музы, верные спутницы, они незаметно вращают миром, то мудро наставляя, то вдохновляя, то утешая. Насколько высоко смог бы взлететь Наполеон, если бы накануне своего первого похода он не обвенчался с Жозефиной и не пообещал ей будущее величие? И, как знать, сколь ярко светило бы потомкам «солнце русской поэзии» без его Натали и роковой дуэли? Кем остался бы в истории реформатор церкви Генрих VIII, не воспылай он страстью к Анне Болейн, им же впоследствии казненной? У каждого Робин Гуда своя Мэрион, а у Перикла своя Аспазия.

Кто же они, эти женщины за спиной прославленных мужчин, чудом избежавшие извечной женской участи – забвения? Всегда – любимые, порой – «беззаконные кометы», но, как правило, жены. О матерях традиционно забывают (их роль в истории исчерпана культом Богородицы), но порой удается сверкнуть теткам, как в случае с Цезарем, бабушкам или даже няням. Дочь же вспоминается только одна – Суворочка – ради нее одерживал победы отец-генералиссимус.

Однако есть и те, чью роль в судьбе великого человека трудно описать привычными словами. Такой была Василиса Покровская. Кем приходилась она тому, кто озарил ее имя? Она подарила ему жизнь, не будучи его матерью. Она любила его, не став, однако, той, кого привычно именуют «любовница». Она была его спутницей, но спутницей «святой», как ее недоуменно величали. Однако к лику святых ее никто не причислял.

И наверняка можно сказать только одно – она была удивительной женщиной! О чем, возможно, догадывалась, иначе едва ли оставила бы потомкам свои воспоминания. На их страницах сверкает имя ее блистательного возлюбленного и гремят его подвиги, но не менее ярко светится и ее собственная необыкновенная личность. Словно солнце и луна восходят на одном небосклоне, и от их двойного сияния невозможно оторвать взгляд.

Ее портрет, передаваемый в семье из поколения в поколение, удивляет спокойной мудростью во взгляде. Светло гру-

стоят чуть опущенные уголки глаз, но неожиданно полные, чувственные губы сложены в полуулыбку. Эта женщина познала и страсть, и страдание, но нашла в себе силы преодолеть и то, и другое, не сломавшись и не растеряв себя.

И потому, раскрывая страницы ее мемуаров, я испытываю трепет, как если бы эта полная достоинства дама в строгом платье с нежной шалью, обнимающей шею и плечи, вдруг подала мне руку и, подобрав юбки, сошла с портрета, чтобы поведать о том времени, когда она была молода, смеялась и горевала, теряла и обретала, терпела поражения и праздновала победы. И любила, конечно, любила. Как могла она не любить?

Часть первая

I

«...И прибрал Господь матушку, зане на небесех лучшее ей уготовил житие, чем на земли...»

А ведь и верно – лучшее! Еще пять-десять лет – и согнулась бы матушка от трудов, сторбилась; все сильнее тянула бы ее к себе земля, все больше остывало бы не знающее радости в вечных заботах сердце и изнашивалось от бесконечных родов тело. И посетовать не на что: куда от женского естества деться? Как обвели тебя в пятнадцать лет трижды вокруг аналоя и заставили поменяться кольцами с едва знакомым человеком, так и трудись: носи детей в утробе, рожай, корми, поднимай, а то и хорони, да все это между делом: перво-наперво поспевай по хозяйству да мужа не забывай обихаживать. А хозяйские дела не кончаются, да младенцы с рук не сходят – только встанет один на собственные ножки, а тут уж новый у груди – на них все силы и кладешь. Все и счастье бабье, если муж тебя жалеть станет да приласкает иной раз. Но и при добром муже к сорока годам ты старуха с изнуренным телом и потухшим взглядом, ничего-то в жизни и не видевшая, кроме трудов, трудов, трудов. И велика ли ра-

дось, что ты не крестьянского сословия, а духовного, и муж твой не землю пашет, а обедню служит? Сельскому батюшке одной службой без земельного надела да скотины не прокормиться; вот и впрягается молодая жена, едва переступив порог мужниного дома, в тяжкий воз бесконечных хлопот и тянет его, пока достанет сил. Кормит, поит, в чистоте содержит, лечит, утешает, ободряет и обо всех на свете помнит и заботится, помимо самой себя. А как иссякнут силы, уходит, вздохнув в последний раз будто бы с облегчением.

И посчастливилось еще матушке Серафиме уйти молодой (старшей ее дочери, Василисе, едва семь лет сравнялось), еще красивой, еще статной, еще веселой, то и дело поющей за работой. Такой осталась она в памяти дочери, а в памяти мужа еще и нежной, чуткой, трепетной. Такой, что ни одна другая ни при жизни, ни после смерти не могла с ней сравниться. И верность ей, ушедшей, хранить было не трудно, тем паче, что старшая дочь росла живым напоминанием о матери. Тот же светлый, всегда устремленный в какие-то иные дали взгляд, так же тихо радуется и остро страдает от любой несправедливости, пусть и самой малой. Так же тонка и телом и душой, а в движениях легка, как птица. Точно василек во ржи подрастала девочка – нечаянной радостью – и часто смеялась во сне. Видно, в те часы, когда душа витает в потусторонних пределах, встречалась с ней матушка и играла со своей любимицей.

II

«...Батюшка мой, отец Филарет, был самой благочестивой и строгой жизни. При нем живя, и самый малый грех совершить было мудрено...»

Блаженны отдающие себя целиком своему делу! У них спокойна душа, они снискали всеобщее уважение, и в глазах собственных детей они всегда на пьедестале.

Отец Филарет был словно рожден для того, чтобы стоять между Богом и людьми и соединять их в таинстве Причастия. Нравом спокойный, к словам внимательный – такому легко открывать душу на исповеди. Не стяжатель – беря пятак за панихиду, служил ее на двугривенный. Со смирением переносящий утраты – помимо матушки Серафимы, лишился он и нескольких детей, появившихся на свет прежде Василисы, но умерших во младенчестве. Отец Филарет никогда не роптал на судьбу, к водке прикладывался разве что на свадьбах, поминках да по большим праздникам, мужественно нес свой крест вдовца, не срамил священного сана и ни с кем не жил во грехе.

Проповеди он читал так, что казалось: никаких иных слов и подобрать было нельзя. Фразы из них частенько всплывали потом у Василисы в памяти, когда сама она не находила, что сказать, и, повторяя батюшкины слова, с гордостью ощуща-

ла себя причастной его мудрости. В ее представлении отец всегда возвышался над людьми, как на амвоне, и в наставлениях его была особая сила.

Не самой располагающей внешности (высокий бугристый лоб нависал над глазами, точно всегда нахмуренный), батюшка становился прекрасен во время службы и исполнения треб, как и все люди, стоящие в жизни на своем, верно определенном месте. Горел его взгляд, буйные, как струи мельничного водопада, волосы золотилась в сиянии свечей, выделяя из полумрака преображенное лицо, а звучный, низкий, выразительный голос, уж на что Василиса была к нему привычна, даже ее заставлял иной раз трепетать. На взгляд дочери, что-то роднило батюшку с Иоанном Предтечей, каким того изображают на иконах: облик диковатый, но внушительный. Только вот Предтеча на образах темноволос, а батюшка, напротив, был светел: голова его и борода напоминали цветом начинающее колоситься, еще не пожелтевшее поле. Такой же была коса и у самой Василисы, и глаза – светлыми, как у отца, прозрачно-серыми, не скрывавшими ничего, что на душе.

Помимо двух дочерей, старшей, Василисы и Аглаи, полутора годами младше, не осталось у батюшки в живых никого из детей. Деревенские жалели его за то, что нет у него наследника-поповича. Прислуживал бы сейчас батюшке в алтаре, а затем и место его занял... Правда по кончине отца Филарета приходу должно остаться за Василисой, а место попа пе-

рейдет ее мужу, но наверняка ли? Не вмешается ли родня с их безместными попами – племянниками, да двоюродными братьями? Завалят архиерея жалобами, приправят жалобы подарками – и уйдет от Василисы место. Поскорей бы отец Филарет замуж дочь выдавал, да ставил зятя вторым священником. Правда, дворов у них в приходе двадцати не наберется, ну да ничего, как-нибудь прокормятся!

III

«...По смерти матушки призвал батюшка тетку, Лукерью Савельевну, и поставил ее на хозяйство...»

На хозяйство поставил, а в душу не пустил. В душе жила матушка Серафима, жили дочери. И большая половина под кровом души отца Филарета была отведена старшей, Василисе.

Младшая, Аглая, будто нарочно ничего не унаследовав от отца и матери, пошла в ту родню, к коей у отца Филарета сильно не лежала душа. Телом ладная, лицом румяная, а в глазах даже не пустота – муть беспросветная. Превыше всего любила Аглая лузгать с теткой семечки и перемывать кости всем деревенским и всем сродникам, ближним и дальним. Глядячи на них, дивился батюшка, сколько же у них в огороде подсолнухов, если каждый божий день тетка с племянницей целую гору налузгивают. Как выйдут подсолнечные, берутся за тыквенные, а разговоры все те же: «Кум Федот с женой не живет, а кума Ульяна потонула спьяну». Казалась тогда отцу Филарету младшая дочь похожей на хавронью, благо ноздри у нее загибались точно пяточок у свиньи.

Когда бы ни собрались парни с девками на посиделки, откупив для того у старших избу на вечер, Аглаю звали непременно. Так была она гораздо молоть языком, столько сплетен

приносила, как сорока на хвосте, что было с ней не до скуки. И так умела Аглая сладко взглядом поманить, что парней тянуло к ней, как рукой за шиворот.

Василису же на посиделках не жаловали, да и звали редко. Не ко двору она там приходилась: тихая, задумчивая, и приобнять рука не тянется, и слово бойкое на ухо не молвишь. Сиди с ней бок о бок и кисни. Хоть с лица и не дурна, да с лица не воду пить. Точно не от мира сего была поповна, а в мир ее как будто и не влекло.

Зато завсегда ее видели на подводе рядом с батюшкой, коли тому случалось отлучиться по делам. Словно бы не замечая, как трясет телегу, вела она с отцом Филаретом неспешный, теплый разговор, а тот, хоть и не охотник был до улыбок, подле дочери светлел лицом. И чудилось тогда, что едут эти двое не в соседнее село и не к отцу благочинному, а в такие удивительные дали, куда всем остальным дорога заказана.

* * *

Современному жителю мегаполиса, с рожденья видящему мир как набор неограниченных возможностей и расходящихся во все стороны путей, трудно даже представить себе, насколько строго очерченным было будущее человека, рожденного, как и Василиса, в XVIII веке. Единицы выбирали свою дорогу сами (подобно Ломоносову и Тредиаковскому);

подавляющее же большинство устремлялось в то русло, по которому надлежало течь их сословию.

Крестьяне, мещане, купечество, дворяне. Трудно определить для духовенства должное место в этом идущем по нарастающей списке. Все духовные лица были свободны от государственных податей, рекрутчины и телесных наказаний, но при этом архиереи и настоятели крупных городских церквей по уровню жизни и весу в обществе стояли почти наравне с дворянством, а сельские батюшки располагались лишь немногим выше крестьян.

Принадлежность к сословию (с соответствующей записью в метрических книгах) определялась по отцу. Поэтому к духовенству автоматически причисляли всех детей священников, и мальчики в дальнейшем должны были занять место отцов у алтаря.

Однако алтари доставались далеко не всем. Количество сыновей в семьях духовенства, отнюдь не равнялось количеству вакантных священнических мест. И тогда безместные клирики (коих насчитывалось великое множество) устраивали свою судьбу как могли. Одним из наилучших вариантов был старый верный способ – брак. Брак с дочерью священника, у которого нет сыновей, с тем, чтобы стать его наследником.

Да, дела духовные, как и корона со скипетром, передавались почти исключительно по наследству. Нет, конечно, и мещанину, и купцу, и дворянину, и, в редких случаях, кре-

стьянину, не возбранялось избрать себе духовную карьеру, вопрос был только в том, где им потом служить, если многочисленные дети белого духовенства – женатых батюшек – получали приходы практически в наследство за своими отцами. Браки также заключались в своей среде. Задумывалась Василиса о том, или нет, ее судьба была предрешена: сватовство того или иного поповича, представление его кандидатуры архиерею для одобрения, в случае одобрения – свадьба, далее – рукоположение мужа в священнический сан – и свежеиспеченный батюшка становился вторым священником в церкви отца Филарета, а по смерти последнего – настоятелем храма. Сама же девушка после венчания из девицы духовного сословия превращалась в матушку Василису, попадью. Судьба же Аглаи, напротив, казалась не завидной. Так называемая «невеста без места» (именно отсюда пошло это выражение), она не приносила будущему мужу желанной должности. Третий батюшка на село, где нет и двадцати дворов? Это уж чересчур! Дай Бог, чтобы двум-то попам хватило тех пожертвований за требы, что понесут их немногочисленные прихожане!

А будущий муж Василисы, мог ли выбирать он? Едва ли. По сердцу девушка или нет, но, ведя ее под венец, ты выходишь на подобающее тебе место в жизни, в противном случае, куда податься семинаристу, окончившему курс наук? Разве что в мелкие чиновники, или, если повезет, управляющим в дворянском имении. Но на такие должности, как из-

вестно, предпочитали брать немцев.

А не задастся семейная жизнь, что тогда? Да ничего, терпи и молись! В дворянских семьях не поладившие супруги могли разъехаться; для духовенства это было не мыслимо. Разошедшегося с женой батюшку дальше служить не благословят. Даже вдовым во второй раз жениться нельзя, иначе поминай как звали священнический сан. Для женщин же выбора и вовсе не имелось: вышла замуж – будь при муже, вот и весь сказ.

И выходило так, что, с рождения ступив на проторенную дорогу, Василиса не должна была сходить с нее до могилы. Однако во все времена существовали люди, вокруг которых упорядоченное течение жизни вдруг начинает закручивать немислимые водовороты, и неприметная поповна, как ни удивительно, оказалась одной из них.

IV

«...То диковинное свойство мое становилось явным не только во время молитвы, но и по другим случаям...»

О странности этой не ведал никто: ни батюшка, ни сестра, Аглая, ни тетка Лукерья, не говоря уже о ком-то из деревенских, а для самой Василисы происходящее с нею до конца дней оставалось загадкой. Впервые испытала она такое во время службы в батюшкином храме: сперва ощутила, что не чует больше под собою ног, точно парит в эфире, а затем и все свое тело перестала чувствовать. Умолкли для нее произносимые батюшкой слова ектеньи¹, голоса певчих на клиросе и побряхтывания да шорохи прихожан. В небывалую тишину погрузилась поповна, в безмолвие, коего и на свете-то не бывает. Растворились мысли, точно соль в быстрой воде, пролился в них горный свет, и в миг наивысшей незамутненности души, что-то вдруг охватило ее, словно обняло, и стало колыхать из стороны в сторону. После не смогла бы описать Василиса, что вершилось внутри нее в те мгновения, помнила только, что непроницаемое будущее вдруг явилось перед глазами прозрачным. И, очнувшись, твердо знала, чему суждено случиться.

Начало происходить с ней такое с самой матушкиной

---

¹ Призыв к молитве.

смерти. С похорон унесли девочку ослабевшей от крика и горячей от поднявшегося жара; долго не могла прийти она в себя. Все не понимала, как матушку с нежными теплыми руками можно было оставить в ледяной ноябрьской земле, где она продрогнет до костей, просила принести покойницу домой и обогреть. К девятому дню девочка оправилась, но вплоть до сороковин ходила, как тень, и спала много дольше обычного. А во время панихиды на сороковой день впервые охватило ее то, чему не находилось названия. Едва на клиросе запели «Со святыми упокой», так отчаянно сжалось ее сердечко, что разом отхлынуло от Василисы все мирское, оставив девочку как на безлюдной песчаной отмели. А когда вернулся мир с его шумом и голосами, то было ей почему-то радостно, а не горько, как до сих пор, будто успела за это время приласкать ее матушка и шепнуть: «Не горюй по мне – я жива. У Господа все живы. Жива и буду с тобою, как прежде, только незримо».

В другой раз к батюшке беда пришла. Донесли на него благочинному, что якобы отпевал он того, кто сам на себя руки наложил. А покойник, хоть и молод был, на деле тронулся рассудком, о чем всем в приходе было ведомо. Через это и с обрыва шагнул. Ежели не ведал он, что творил, как не отпеть его, несчастного? И нету в том батюшкиной вины! Его же грозятся от служения отстранить, а на место его ох как много охотников! Что такое поп без прихода? Невесть кто, невесть зачем существующий, невесть где принужден-

ный искать средства на пропитание. Батюшка ничем не вызывал страха перед решением своей участи, но дочь его явственно ощущала, как терзается у отца душа. И ноги сами привели ее на песчаный косогор, под которым злосчастный Емельян, батюшкой отпетый, смерть принял. Встала там Василиса, сама не понимая, зачем пришла, глянула вниз на быстро летящую, обмелевшую к осени реку (зрелище это затягивало) и перестала вдруг чувствовать песок под ногами. Померк полуденный свет, а когда перед глазами все вновь прояснилось, и душе пришло облегчение – поселилась в ней уверенность, что зла отцу не причинят. И после, желая ободрить его, девушка сказала, улучив минуту: «Вы, батюшка, не пужайтесь, ничего не будет – помогут вам». Батюшка взглянул на нее так, как не глядел никогда, но вышло точно по ее словам – помогли. Помещица их, камергерша Белозерова, отписала отцу благочинному письмо с твердым пожеланием не тревожить более отца Филарета, присовокупив пожертвование на нужды организуемой в Калуге семинарии. После чего батюшку действительно никто не тревожил. Но на дочь он с тех пор частенько посматривал не то с испугом, не то с сомнением.

А Василиса скорее радостно дивилась необычному своему дару, чем боялась его или сомневалась. Редко когда открывалось перед ней грядущее, но каждый раз в те минуты, когда особенно сильно билось из-за чего-то сердце. Так было и во время ее сватовства. Тетка Лукерья с помо-

щью сродников подыскала шестнадцатилетней племяннице жениха и ходила гордая, как индюшка. Ну, всем взял будущий Васенькин суженый! Семья самая что ни на есть уважаемая: батюшка в Калуге – настоятель Троицкого собора, а дядя и вовсе епископ. Обучался же Никон в самой Киевской духовной академии; красноречив, рассудителен, степенен, голосом зычен – лучше попа не сыскать! «Да и собой хорош, была б я девкой, загляделась бы!» – добавляла она в ответ на пытливые взгляды племянницы.

Отец Филарет знал и отца жениха, и дядю, и был чрезвычайно доволен тем, что те не погнушались породниться с его неприметным семейством. Назначили день смотрин, и Василиса в новой рубаше и подновленном кобеднишном² сарафане поджидала, когда ее позовут на смотрины. Было ей до невозможности тревожно, сердце било как в колокол. За дверью журчала частая речь свахи, и чем чаще и слаще сыпались слова, тем большая тревога овладевала девушкой. Неожиданно звуки иссякли, все покрылось мраком, и свет, прежде лившийся из окна, стал исходить неведомо откуда. Василиса не разумела, сидит ли она по-прежнему, парит ли в пространстве, или вовсе на время перестала существовать, и очнулась лишь оттого, что услышала свое громко произносимое имя.

Поднялась он, как неживая, и, выйдя к сватам, лишь по-

---

² «Кобеднишной» называли праздничную одежду, надеваемую в церковь, к обеду.

клонилась, а улыбнуться приветственно не смогла. Потому как открылось девушке: не будет ей жизни с этим видным и ученым, но донельзя самоуверенным и скорым на расправу парнем. Жизни не будет, одно горькое терпение, да мучение.

Отец Филарет не стал укорять дочь, но отказ ее принял с большим расстройством. Тетка рвала и метала. Аглая же крепко задумалась: всего полутора годами младше она сестры – этой дуры блаженной – не удастся ли ей самой заполучить такого завидного жениха?

А Василиса на рассвете, когда все хозяйки по деревне доили коров, выскальзывала из дома. По глинисто-песчаным откосам спускалась она к реке, скинув исподнюю рубашку, окуналась с головой и, захлебываясь от холода и восторга, плыла. Из студеной июньской воды выходила как заново рожденная и, снесенная быстрым течением, возвращалась к своей одежде. По дороге с улыбкой наблюдала, как ласточки мельтешат в воздухе и, садясь на края своих вырытых в косогоре нор, кормят птенцов. Будь ее воля, сама бы летала, как ласточка, плескалась бы, как волна, тянулась ветвями по ветру, как ива на берегу. Свободы и радости искала душа и, покамест, беспрепятственно их находила.

V

«...С тех пор и по сей день ненавистно мне было лицедейство, и порога театра более я не переступала...»

Селом их, Соколовкой, владела вдова камергера Белозерова, Елизавета Сергеевна. Ей же принадлежало еще несколько окрестных деревень, весьма доходных, потому как стояли они на суглинистых землях, и мужиков было выгодно отпускать на оброк. Отца Филарета она почитала как своего духовника и человека редкого благочестия, любила приглашать в усадьбу после престольных праздников, а то и вовсе безо всякого повода и вести с ним душеполезные беседы. Большое утешение находила она в отце Филарете, оттого и вызвалась быть приемницей его дочери.

Василису она ласкала при каждой возможности, своих деток не имея и уж не надеясь стать матерью; и всегда желала видеть в усадьбе вместе с батюшкой. Щедро одаривала гостинцами, сажала к себе на колени, спрашивала о чем-нибудь, с улыбкою заглядывая в лицо. А девочка глаз не могла оторвать от воздушных кружев на барынином капоте. Что за диво: точно паука выучили цветы плести! И хохотала же барыня, про ученого паука услышав! И тут же одарила крестницу, коей и пяти лет тогда не исполнилось, кружевами на подвенечное платье.

Была у барыни Белозеровой новомодная причуда – театр. Сын ее соседей по имению, Иван Антонович Благово, обучавшийся в Москве, в Хирургическом госпитале, заезжал к ней как-то с родителями во время вакаций и все уши прожужжал про театральные представления, до коих студенты были большими охотниками. Сами ставили, исполняли, а порой и пьесы сами сочиняли. Одну из них, по просьбе соседки, Иван Антонович затем привез, специально для нее переписанной, и столь она барыне по сердцу прихлась, что повелела та немедля набрать в своих деревнях парней и девок, к лицедейству способных, и принялась обучать их. Много в том театральном деле было премудростей, ну да помещицы в Калужской губернии чай не глупей, чем студенты в Москве! До всего своим умом дошла: и куафёра выписала – актеркам волосы чесать, и художника-богомаза наняла – декорации расписывать, и мужиков рукастых сыскала в своих деревнях – внутренность сцены обустраивать. И, в гордости и радости за свое детище, пригласила отца Филарета помещение театра освятить.

Не радостно было батюшке: не лежала у него душа кропить святой водой помещение для лицедеев, но не откажешь ведь своей помещице! Чувствуя это, Елизавета Сергеевна увлекла его в гостиную, где предложила отведать домашней настойки, и повела разговор о том, что «полно, батюшка, театры и при семинариях открывают, да не токмо в Киевской духовной академии, но и в Новгороде, Астрахани, Твери...».

Василиса тем временем не удержалась от расспросов:

– Что за пиесу вам, барыня, привезли?

– «Комедию о графе Фарсоне».

– Чаю, занимательная?

– Чрезвычайно занимательная! Французский граф Фарсон отправляется в Португалию – изучать науки...

– Что же понесла его туда нелегкая? Нешто во Франции выучиться нельзя?

Елизавета Сергеевна не могла не улыбнуться:

– Он пожелал узнать чужеземные обычаи. К тому же батюшка его умер, а наследства он оказался лишен через злую мачеху. Живя в Португалии, граф случаем, попадает в фавор к королеве. Та, зная о плачевном его положении, предлагает поступить к ней в солдаты и обещает платить по сто червонцев в месяц. Но Фарсон отказывается: он не хочет, как это сказано в пиесе, «при девице быти и самому девицею слыти».

– Вишь, какой гордый! – задумчиво промолвила Василиса. – На что же он жить-то будет?

– Между ним и королевой начинается амур, и, благодаря этому...

Елизавета Сергеевна принялась пересказывать ей содержание пиесы. Тем временем отец Филарет закончил возлияния, и все трое вместе направились во флигель барского дома, отведенный под театр. Василиса была разочарована: она ожидала увидеть невесть что, а оказались во флигеле всего-навсего ряды стульев, да дощатый помост. Правда, на по-

мосте стояло несколько актеров, наряженных по-иноземному в несусветно высоких париках. Из них одна была женщиной, по видимости, той самой португальской королевой. Лицо ее скрывала хитроумно украшенная маска, которую другой актер порывался с нее снять. Королева же обращалась к нему жалостливым голосом:

Друг мой прелюбезный,
Ты бо еси кавалер честный, —
Не желай видети лица моего красоту
И зрака моего доброту.
Аще лице мое узриши,
То вскоре живот свой сгубиши.

– Она и взаправду его сгубила? – шепотом спросила Василиса у барыни-крестной.

– Да. Хоть и сама того не желала.

Лицо королевы, наконец, открылось, повернулся к зрителям и торжествующий граф Фарсон с маской в руке. Несказанно удивил Василису их вид: вроде бы, такие же люди, как и все, ан нет, не назовешь их обычными! Лица – точно вода: волнами ходят по ним чувства, хоть и видно, что не свои. А собственная душа, как дно реки, столь глубоко под этой внешней подвижностью лежит, что и не увидишь.

И, зачарованно глядя на сцену, ощутила вдруг Василиса знакомое: голоса перестали звучать для нее, а тело подхватили невидимые волны. Когда же очнулась, то – странное де-

ло! – испытала неизъяснимый страх. Голова ее сама собой повернулась в сторону батюшки, доставшего уже святую воду и готовившегося кропить.

– Батюшка, – прошептала она не своим голосом, как если бы кто-то другой шептал за нее, – не освящайте театр, не надо!

Отец Филарет, уже слегка разомлевший от настойки, лишь качнул головой:

– О чем говоришь? Пустое! Как барыню не уважить?

– Не надо, заради Христа! – молила Василиса, но вместе с тем, со все нарастающим ужасом чувствовала: не умолит. Чему быть, того не миновать.

Батюшка поднялся на помост, благословил склонившихся к нему актеров и с молитвою начал кропить. Его черная ряса сливалась с тяжелой черной тканью, подвешенной у задника сцены и скрывавшей деревянную грубость сооружения. Сверху возились мужики, прилаживая балки, на которых будут держаться декорации. Прервав работу, они ждали, чтобы брызги святой воды долетели и до них.

Словно треклятой пиесой был предусмотрен такой финал! Тяжелый топор, которым только что орудовал один из мужиков наверху, и который затем был отложен в сторону, сорвался от неосторожного движения. Батюшка рухнул на оструганные доски как-то по-детски, точно мальчишка, ненароком сбитый в игре. Тут же бросились к нему все, кто был вокруг: разряженные лицедеи и Елизавета Сергеевна с

обезумевшими глазами. Одна Василиса не тронулась с места, цепеня и леденя, и зная наверняка, что бежать уже ни к чему.

VI

«...Так и решилась моя судьба без моего участия...»

Помещица Белозерова приняла в своей крестнице участие, поелику могла. Выпоров, сдала в солдаты того мужика, что без умысла погубил батюшку, и снеслась с епископом, дабы определить судьбу поповской сироты. Потому как не была Василиса просватана, требовалось сей же час подыскать ей жениха, обвенчать с ним, рукоположить его в священники и определить в ту церковь, где служил Василисин батюшка. Однако жениху надлежало быть «с умом», то бишь, иметь образование, богословское либо философское. Посему епископ наказал отправить девушку к нему в Калугу, а там уж он сам устроит ее судьбу. Того ради предоставила Елизавета Сергеевна Василисе свой возок с кучером.

Тетка Лукерья, сопровождавшая племянницу, нарадоваться не могла: сидишь себе, как барыня в избушке на полосьях, укрываешься меховым пологом, и не дубеет лицо от студеного ветра, как на санях. А правит-то кучер, не сама вожжами руки уродуешь! От удовольствия тараторила она без умолку, наперед увещевая племянницу:

– Ты, Васёна, как жениха тебе сыщут, нос не вороти да не кобенься! Кто первый взять захочет, тот и хорош. Второго-то, может, и не будет вовсе.

Василиса молчала. Почти не раскрывала она рта все сорок дней после батюшкиной кончины, как морозом, прихваченная горем, да и нынче говорить ей было тошно. Завернулась в пуховой платок, накинутый поверх тулупа, и глядела перед собою на санный путь, уводящий ее невесть куда.

И в палатах у епископа осталась безучастна, не заметила ни пышности, ни убранства, подошла под благословение и встала, опустив глаза, точно не ее судьбу владыка намеревался решить, а какой-то другой девицы.

– Что ж, Василиса, – сказал епископ деловито, хоть и с участием, – царствие небесное твоему батюшке, а церковь без попа надолго оставлять нельзя. Мясоед-то на исходе; кто Великим постом служить будет? Да и самой тебе замуж пора – сколько лет уже сравнялось?

– Осьмнадцать. Девятнадцать в апреле будет.

Епископ покачал головой.

– Засиделась ты, матушка, в девках! Ну да ничего, пристроим! Дам я тебе провожатого – пойдешь с ним в духовную семинарию. Там женихов пруд пруди, а невеста ты с местом – должно твое дело сладиться.

Крепко обхватив себя руками и пригнув голову под порывами сырого февральского ветра, шла Василиса вслед за грузным и важным дьяком, ведущим ее к ее новой судьбе, и не несла в голове ни единой мысли. Вершилось над ней что-то помимо ее воли, как вершится на земле зима или весна, никого о дозволении не спрашивая и ни о чьих желаниях не

беспокоясь. В пустом семинарском коридоре какое-то время ждала, сидя на лавке, а затем отворилась дверь класса, и тот самый дьяк, что вел ее, поманил внутрь. Василиса заробела войти и встала у дверного косяка.

Во всей последующей жизни ни разу не было ей так страшно, горько и неприкаянно, как в те минуты. Разом повернулись к ней семинаристы, и каждый вцепился в нее взглядом, точно пес. Каждый оценил про себя, будто курицу на базаре. Каждый либо ухмыльнулся, либо покривился, либо поднял брови. Залили ее стыдом, как помоями, а она и убежать не смела – стояла, точно в землю вросшая от удара.

Вдруг из всех любопытствующих физиономий выделилась одна. Крепкая была и наливная, точно яблоко. Еще бросалось в глаза то, что кожа на лице красновата, а румянец, как утюгом к щекам приложили. И, при русых волосах – вызывающе рыжая бородка. Краснело это лицо промеж остальных – ни дать ни взять, первое спелое яблоко на ветке.

– А что? Почему бы и не взять! – донеслось до Василисы.

* * *

Если современной невесте задать вопрос, чего она ждет от будущего мужа, то список обещает быть длинным. Любви и внимания, защиты и опоры, доверия и уважения. Не в последнюю очередь будут упомянуты материальная поддержка, помощь по хозяйству и участие в воспитании детей. Су-

пружеская верность вряд ли будет озвучена, поскольку она просто подразумевается, равно как и отсутствие рукоприкладства.

Но если бы тот же самый вопрос был задан невесте во второй половине восемнадцатого столетия, когда под венец шла Василиса, то девушка просто не поняла бы, о чем идет речь. И действительно, чего можно ждать от мужа помимо самого факта его существования? Куда податься женщине, как не замуж? В перестарках куковать – приживалкой при родне? Незавидная доля! Что да монашества, то это удел немногих, а с тех пор, как Екатерина II разорила монастыри, конфисковав их земли и переведя иноков на казенное жалование (разумеется, нищенское), о постриге думать уже не приходилось. Да и монастырей уцелело – раз, два и обчелся: сделали обители приходскими церквями.

И оставалась, по сути дела, единственно возможная дорога – с женихом к алтарю, чтобы муж обеспечивал тебя так, как это подразумевает твое сословие: пахал, торговал, владел мужиками или служил обедню. Не у одной Василисы судьба решилась без ее участия, а едва ли не у каждой. Удивительно еще, что девушка вообще над этим задумалась – над возможным участием в своей судьбе.

Но когда человек неожиданно задумывается над тем, о чем размышлять не принято, это может иметь далеко идущие последствия. Особенно если раздумьям предается тот, чья воля сильнее естественного человеческого желания

плыть по течению. Именно таким людям свойственно сжигать за собой мосты, разрубать Гордиевы узлы и переходить Рубиконы. Или «всего лишь» пускать свою жизнь по новому руслу.

VII

«...Уж перестала я быть девицею, но мужнею женою так и не стала...»

Лишь во время свадебной гульбы вспомнила Василиса, что, скованная страхом перед будущим, не помолилась она усопшим родителям и не испросила у них благословения на брак. А одному Богу известно, благословил бы ее батюшка с тем, кто не только не люб его любимой дочери, но и отвергает ее от себя. «Едва ли», – подумалось ей.

И не верилось девушке после венчания, что сидит она на собственной свадьбе. Гости все были (не считая тетки) семинарские дружки жениха, свои промеж ними гуляли шутки, свои велись разговоры; о невесте вспоминали лишь тогда, когда приходило время кричать «горько», и, каждый раз, принимая лобызания того, кто назван был ее мужем, Василиса содрогалась: запах! И не то чтобы шел от него смрад, нет, зубы у раба Божьего Артемия были крепкие, не червивые, лицом и, по видимости, телом, был он чист, платьем опрятен, и странно было бы ему вовсе не иметь запаха, всему живому на свете присущего, но только, приближаясь к нему лицом, Василиса готова была сей же час отпрянуть. И поцелуи терпела в окамененном бесчувствии.

– Не кручинься уж так-то, у всех на виду! – раздраженно

шептала ей в ухо тетка. – Стерпится – слюбится! Мужик он, по всему видать, не злой – вот те крест!

Слюбится? Тяжко ей было открывать глаза в первое утро. А открыла... За окном – тоскливая февральская серость, метель, снежинки стаями подлетают к стеклу, повисают на мгновение и уносятся прочь, точно увидев что-то запретное. И Василиса знала, что – брачное ложе, не освященное любовью, к которому она, как цепями, была прикована долгом, да обычаем.

Едва нашла в себе силы взглянуть на мир, как ввалились в горницу дружки жениха, выслушали его самодовольное: «Как в добрых людях, так и у нас!» – и принялись с улюлюканьем бить горшки, с собой принесенные. Василиса вздрагивала и вжималась лицом в подушку: сызмальства пугалась она резких и громких звуков, и во время грозы пряталась в сундук, где копилось ее приданое, пока тот не перестал ее вмещать. Если б окутала ее сейчас благодатная тишина! Но нет, не было спасения. Лоснящаяся от удовольствия тетка («Слава Богу, пристроила девку!») быстро укручивала племяннице волосы и прятала их под бабью кичу. Вот и отгуляла свое поповна – кончилось привольное девичество в любви да спокойствии, грядет многотрудная, с привычными колеями скорбей да ухабами немощей, бабья доля.

Затравленно обводя взглядом горницу и надеясь остановить его хоть на чем-то, от чего перестанет ей быть так тошно, заметила вдруг Василиса на комоде что-то круглое и

блестящее, как полная луна. Вспомнила: когда разувала ввечеру молодого мужа, из сапога выпал ей в руку серебряный рубль. Вот уж, право, достойная награда за ночные муки! Однако, не весть почему, не могла Василиса оторвать от него взгляд. Будто бы уже тогда мерещилось ей в этом рубле желанное избавление.

VIII

«...С тем, кого почитали моим супругом, связана была я не перед Богом, а единственно перед людьми и их обычаем, посему устремилась я в те края, где никто про сию связь не проведал бы...»

И дней-то прошло с венчания всего ничего, а уж чудилось Василисе, что клонится жизнь ее к закату и обдает ее смертным холодом. Жили они с Артемием Демидовичем еще в Калуге, на квартире, что снимал он на паях с товарищем близ семинарии, и до того все было вокруг чужим и немилым, что хоть волком вой. Артемий Демидович, готовясь к рукоположению, был занят по целым дням, а когда возвращался, и приходило время почивать, то готова была Василиса в одной исподней рубашке выпрыгнуть в окно и мчаться, сломя голову, по снегу с разметанными метелью волосами, куда угодно, хоть на тот свет, лишь бы подальше от своего благоверного. То, в чем находил он на ложе такую сладость, переворачивало все ее существо; сочилась душа стыдом, как рана – гноем. А Артемий Демидович, знамо дело, не заботился о том, чтобы и молодой жене постель была в утеху. Лишь серчал, видя застланные страхом Василисины глаза. Уговаривал ее нетерпеливым шепотом, повторяя, что «нет в том греха, мы с тобой – плоть едина», но где ж едина, когда одна половинка

этой плоти изо всех сил рвется от другой? И терпела Василиса их телесное соединение, как терпят пытку, из последних сил надеясь, что палач отступится или дрогнет душой.

А после, лежа без сна и чувствуя, как слезы мочат у висков подушку, лицезрела она одну и ту же мысленную картину: июньский луг, утопающий в разнотравье, щедро сбрызнутый белыми, желтыми, розовыми, фиолетовыми цветами, вдруг начинают распахивать, взрезая его упругое тело и поднимая черное нутро, втаптывают цветы в черноту и разбрасывают по бороздам навоз. Да так и остается черным этот разоренный луг, не цветя и не плодонося. Засыпала Василиса с чернотой в глазах, и во сне шевелила губами, будто звала кого-то на помощь.

На масленой неделе вдруг разъяснило и пригрело, кусты защебетали воробьями, появились первые лужи. До того приветливо сиял за окном день, что впервые решила девушка отправиться на прогулку, а не на рынок и обратно, как ходила до сих пор. И зачем-то сунула в карман не только мелочь, оставленную мужем на хозяйство, но и тот самый рубль, что достался ей в брачную ночь.

Шла и радовалась, тихо, измученно, но радовалась. Оттаивала земля, и душа оттаивала, и надежда пускала робкие ростки. Авось бродит где-то на белом свете лучшая доля для нее, да только никак не может с нею, Василисой, встретиться.

Так, окутанная неясной радостью, миновала она городскую заставу, и легли перед ней ковром до горизонта радую-

щие своим привольем поля. Еще не смеющие скинуть снежный покров, но уже обласканные дарящим надежду солнцем. И что забыла Василиса в тех полях? Но двинулась она по дороге так смело и решительно, как если бы спешила за чем-то неизъяснимо важным.

Дорога шла вверх, на пологий пригорок, а, казалось, к самому небу. Едва взойдя на него, залюбовалась Василиса колокольней и куполами стоявшего близ берега Оки монастыря. Впрочем, когда приблизилась, сердце у девушки опустилось: нежилыми окнами тарасились на нее монастырские постройки; вряд ли оставалось еще за нищенскими, растерявшими штукатурку стенами, хоть сколько-нибудь насельников. Уж почти десять лет минуло с тех пор, как прибрала себе матушка-императрица монастырские земли, а крестьян в принадлежавших обителям деревнях отписала государству. Вот и расстроилось в монастырях налаженное безбедное житье, разбежались из них чернецы да черницы, не имея возможности прокормиться.

Поодаль от обители темнели деревенские избы да заборы – бывшая собственность монахов, ныне – императрицы. И, вроде бы, уж вовсе нечего было девушке делать в той деревеньке, да горло у нее пересохло от долгого пути – напиток бы колодезной воды!

От студеного питья у девушки заломило зубы, но отчего-то стало ей весело, словно нехитрым этим питьем залечила душа свои горящие раны. Поклониться бы хозяйке да

пойти восвояси, да только ноги не несли Василису к Артемию Демидовичу, как не понесли бы они беглого каторжника вновь в острог. Медленно, как если бы шла она по реке против течения, добрела девушка до калитки, и того медленнее двинулась по улице. А там и вовсе остановилась, недоуменно округлив глаза: мимо нее гроыхала по деревенской улице подвода с солдатами и унтер-офицером.

И какое было девушке до того дело? Но не сходила она с места, провожая подводу взглядом, глядя, как спешит к солдатам деревенский староста и божится, что рекрутов из их деревни забрали еще в осенний мясоед. «Не за тем приехали», – коротко отвечал офицер, и тут уж Василиса не смогла обороть любопытства – как привязанная двинулась вслед за подводой.

Та остановилась посреди деревни, и офицер, развернув казенную бумагу, зачитал старосте приказ: доставить в его распоряжение двух соломенных вдов – солдатских жен – Устинью Щеглову и Варвару Федосееву. Отправили их мужей раньше срока в отставку, но не домой отпустили, а определили на поселение в некой Таврической области, что недавно отвоевана была у Турции. Требуется заселять тот край русскими людьми, тесня исконных жителей, татар, бывших подданных турецкого султана, всегда готовых к нему переметнуться; да те и сами бегут в Турцию от власти неверных, бросая свои земли. Вот и отправляют в отставку солдат, вот и свозят солдаток со всей России, чтобы не пустела Та-

врида, чтобы, соединившись с мужьями, обросли женщины хозяйством и детьми и прочно укрепились на Таврической земле. А через них укрепились и власть императрицы.

Солдатки появились едва ли не последними из деревенских, обступивших подводу плотным кольцом. За одной бежало несколько детишек, коих воспрещено было брать с собой (не выдержат дороги), и собирать пожитки та отправилась, рыдая и причитая. Другая имела более бодрый вид, и будто бы даже была довольна таким поворотом в судьбе – решительным шагом пошла увязывать свой узел. За ними разошлись и односельчане, но не по домам, а встав немного поодаль, чтобы поглазеть, как Устинью с Варварой увозить будут.

У подводы теперь вилось лишь несколько мальчишек, норовивших потрогать у солдат ружья, и Василиса, которая прежде сливалась с толпой. Офицер подмигнул ей, подкручивая ус («А недурна, ей-богу!») и та с колотящимся сердцем решила подойти к нему вплотную.

– А меня с собой не возьмете, ваше благородие? – в миг высохшими от волнения губами спросила она.

– Ты кто такая будешь?

– Василиса я, Покровская, – пробормотала Василиса, не зная, чего еще о себе сказать, кроме имени. (Фамилию с умыслом назвала она девичью, а не ту, что получила в замужестве.)

– Тоже солдатка?

Василиса не умела врать, и, отвечая «да», в ужасе чувствовала, что истина крупными буквами написана у нее на лице.

Офицер усмехнулся:

– Рад бы взять, да о том приказа нет.

– Не откажите, ваше благородие! – чувствуя, как внутри у нее все обрывается от волнения, шептала Василиса. – Я не здешняя, по случаю тут, обо мне никто не спохватится.

И незаметно (как ей казалось) для солдат, она сунула ему в руку рубль.

Офицер молчал, размышляя.

– Ну, так и быть, – решил он, наконец.

– Мне бы до города добежать – собраться, – прошептала Василиса, – вы уж дождитесь меня, не оставьте!

Офицер молча кивнул, скользя взглядом по стройной ее фигурке.

Прежде чем помчаться, сломя голову, домой, Василиса несколько шагов отступала от офицера спиной вперед, держа руку на горле. Словно бы сдерживала она ликующий вопль, который ни за что на свете не должен был вырваться наружу.

IX

«...И не чаяла я там приискать себе иного мужа, а имела лишь твердое намерение избавиться от мучений ...»

Примчавшись домой, сдернула Василиса с кровати покрывало и, распахнув сундук, принялась швырять на пеструю ткань все вещи без разбора. Много ли было у нее добра? Два небольших образа – Спасителя и Владимирской Божьей Матери (их она бережно завернула в тряпье, чтоб не повредились), трое рубах, несколько пар чулок, одна пара сапог, один узорный платок, немного холста для разных нужд, гробень да иголки с нитками. Все остальное было на ней.

Алый сарафан, в котором венчалась, оставила девушка на дне сундука. Присмотревшись, заметила в углу сиротливо притулившиеся там кружева, коими некогда одарила ее крестная. Тетка настояла взять их в Калугу, чтоб, если сладится дело, обшить сарафан перед венчанием, да все было недосуг. Подумав, прихватила Василиса и их – вдруг на что сгодятся, хоть продать.

Распрямилась и на несколько мгновений замерла, молясь. Господу – о том, чтобы простил ей этот грех, а Богородице о том, чтобы была ей заступницей и предстательницей перед своим Божественным Сыном. Напряженно ждала Василиса

того, что вот-вот окутает ее провидческая тишина, истекали драгоценные мгновения, но ничего не происходило.

Тогда затянула узлом концы покрывала и тронулась в путь. Некому было ее остановить: тетка уж несколько дней как отбыла обратно в деревню. Стараясь не бежать и не привлекать к себе внимания, Василиса торопливо шагала к назначенному месту, огибая лужи. Неужто попустит Господь? Неужто дарует ей избавление?

И вдруг она покачнулась: тишина. Застыла поповна прямо посреди улицы, разжались руки, упал на мокрый снег ее пестрый узел. Чуть колыхалось ее тело в море безмолвия, и образы, коих никогда потом не могла вспомнить, проносились перед глазами. Затем отпустило. Тронуться бы Василисе снова в путь, но не смела она сделать ни шагу, ощущая невероятное смятение в душе.

– Как же я теперь? – потерянно прошептала она.

Некому было ответить.

Но вместе со смятением ощущала Василиса и другое. Как в ледоход с шипением, скрипом и треском наползают одна на другую льдины, освобождая течение реки, так ломалось и сдвигалось что-то и в ней самой, и не было такого мороза, чтобы вновь сковать ее льдом. Прижав левую руку к груди, как если б можно было унять летящее вскачь сердце, правой подняла она свой узел.

И продолжила путь.

Еще не были одержаны в Крыму решающие победы над Оттоманской Портой, открывающие России путь к Черному морю, но, будучи уверенной в исходе военного противостояния, императрица Екатерина уже мыслила на несколько шагов вперед. Станет российским Причерноморье, а населять его нешто одним татарам, чуть что готовым переметнуться под султанские знамена? Нет, негоже сие. Российским станет край – и по земле его ступать россиянам!

Императрица пожелала, привыкший исполнять ее желания князь Потемкин приказал – и вот «всех, назначенных за разными неспособностями в отставку» солдат, служивших в Тавриде, начали в принудительном порядке оставлять там на поселение. А в деревнях, где жили их давным-давно оставленные жены, стали появляться казенные команды с приказом препровождать женщин к мужьям. Брала и тех, что по доброй воле решили попытать счастья в чужих краях, если были они из государственных крестьян, а не из помещичьих.

Всего переселенных в Тавриду женщин набралось тысяча четыреста девяносто семь душ. Большая часть их соединилась со своими мужьями, двести восемнадцать были выданы замуж за русских поселенцев, живших в разных местах Таврической области, восемьдесят смелых и самостоятельных было поселено «на холостом положении» в Бахчисарае,

а двадцать три несчастливицы умерли в госпиталях от болезней.

Документы тщательно фиксируют, сколько женщин осело в том или ином населенном пункте, но ни одна бумага не в состоянии передать, что нашли они для себя за тридевять земель от дома. Радость встречи с мужьями? Едва ли. За те десять, пятнадцать, а то и двадцать лет, что провели они в разлуке, супруги стали чужими людьми. И если во время рекрутского набора молодок разлучили с полными сил мужиками у своих ворот, то вновь соединили с инвалидами или стариками на чужой стороне. Сладко ли было им доживать остаток дней в таком союзе?

Те же, что были выданы замуж в самой Тавриде, вряд ли шли под венец с сердечной радостью. Выбирать женихов им не пришлось: кого назначили в мужья местные власти, того и любить изволь. Лишь восемьдесят своенравных особ, возможно, получили шанс на счастье. Восемьдесят из полутора тысяч.

Василисы не было в их числе. Ее имя вообще не фигурирует ни в одном документе, касающемся женщин, переселенных в Тавриду. Сознавала поповна или нет, но жизнь ее была неподвластна никому, кроме ее самой. И Господа Бога.

X

«...Долг свой христианский видела я в том, чтобы других утешать, особенно же тех, кому нигде в целом свете утешения не было...»

Охохонюшки! Далече ли еще? И где она затерялась, эта Таврическая область? Почитай весь Великий пост они в пути, а конца дороге не видать. Слезть с подводы, что ли – размять затекшие ноги? Да нет – увязнешь тут же; дорога – чисто каша-размазня, и подвода едва одолевает колесами весеннее месиво.

Снег в лесах уже почти сошел, лишь на полянах лежал еще пышно да гордо, но и там кое-где начинал обмякать и темнеть. Вся и забава в пути – примечать, как зима то отступает, то вновь берет свое, но под конец сходит-таки на нет в преддверии Пасхи. Торжествуяще пламенели по обочинам дороги кусты краснотала, вылуплялись серые цыплята на вербе, да и скромница-ольха уже потряхивала сережками. Весна!

Завтрашний день был Вербным воскресеньем. Не было батюшки, чтобы объявить о том с амвона, но Василиса вычитывала в уме пасхальный календарь и сообщала о престольных праздниках своим товаркам-спутницам. Прознав, что она поповна, бабы только головой качали: и куда бежит, дура, от сытой жизни?

Василиса помалкивала в ответ, ни с кем не откровенничая о том, как и почему появилась она среди солдаток (коих набралось после объезда деревень в их губернии десятка полтора). Не ровен час высадит ее офицер в чистом поле – и без того который день уже волком на нее глядит. Невдомек было девушке, в чистоте выросшей и в других нечистоту не замечавшей, что берет он ее на подводу не за сиротский рубль, а за ясные очи и гибкий стан – чтобы тешиться ею в долгой дороге. Стоило Василисе тому воспротивиться, как люто осерчал на нее офицер и велел лишить харчей. Через пару дней, правда, смилостивился и вновь велел отпускать ей провизию, глядя, как товарки подкармливают девушку, но с тех пор боялась Василиса при нем и глаз поднять, и рта раскрыть: если б вовсе забыл он про нее – то-то была бы радость! Но нет, не забывал, посматривал то и дело с тягостным нетерпением в глазах, и Василиса в землю готова была зарыться от такого взгляда. Одна надежда – что доберутся они до Таврической области раньше, чем у его благородия терпение лопнет.

Тише воды была Василиса еще и потому, что всей душой ощущала: невыплаканным бабьим горем до краев полна их подвода, будь их воля, иные волком бы были. Как соседка ее, Устинья. И без того сухая и блеклая, как давно сломанная ветка, и вовсе исхудала за дорогу – начисто съела ее тоска. Трое деток осталось у Устиньи – кому они нужны, кто их пожалеет, кроме нее самой, навек от них оторванной? Всяк,

кому не лень, кинет в них бранное слово – «крапивники»³ – к кому побегут с плачем? Она-то уж привыкла, что хлещут ее словом «гулящая» в глаза и за глаза, а за деток душа болит: нешто нет ни в ком жалости и понимания? Как забрали у нее двадцатилетней мужа в солдаты, провели в кандалах с забритым лбом по деревенской улице, так и похоронила его для себя Устинья. А жить страсть как хочется, в двадцать-то лет кому ж не хочется? Деверь с женою милуются, а ей что же все земные радости до гробовой доски заказаны? Вот и кидало ее к случайным мужикам – хоть второпях глотнуть сладости любовной, что обернется потом горькой тоской. Вот и появлялись на свет детки под проклятия свекрови, ругательства свекра, да насмешки старшей невестки, жены деверя. Крестили их бранью, омывали позором, чуть не втапывали в землю их мать, и никто не смилоствивился, не смирил обидчиков, не утешил ободряющим словом.

– Разве ж так было Господом заведено, чтоб никто не жалел? – рыдающим шепотом допытывалась у Василисы Устинья. – Он блудницу и то от казни избавил, а я-то не такая! Я почитай, вдова, за что ж меня корить?

У Василисы сердце сжималось от этих слов. Истекала Устиньиная душа кровью – чем залечишь раны? Вот батюшка знал бы чем! Вдруг вспомнилось ей что-то из батюшкиных наставлений, и она тихо промолвила:

– Батюшка сказывал: у одних людей в сердце елей копит-

---

³ Так повсеместно называли внебрачных детей.

ся, а у других деготь. А, случись что, каждый выплеснет то, что у него накоплено. Ежели еля не скопил, где ж его возьмешь?

– Да неужто у всех один деготь в душе? – пробормотала Устинья, ужасаясь, но и утешаясь.

Соседка ее, Варвара, поглядывала на Устинью с усмешкой: вот уж кого Бог умом обнес! Выставила себя на позор – еще и жалости ждет. Не могла она, что ли, перед родинами уехать к сроднице в другую деревню, чтобы разрешиться там? А младенчика либо подкинуть ко двору, где другой новорожденный, либо свезти в Москву, в Воспитательный дом. Еще и два рубля получила бы милостью государыни императрицы. Сама она, Варвара, так четверых пристроила. До Воспитательного дома всех живыми довезла – греха на ней нет – ну а дальше уж как Бог рассудит. Все честь по чести, и ворот ей дегтем никто не мазал, и свекор ни разу вожжами не отходил, а теперича едет себе преспокойно к мужу, не зная за собой никакой вины. По уму жить надо – вот и весь сказ!

У Устиньи дрожали губы.

– Ты живешь-то по уму, а Господь, он на душу взглянет на Страшном суде, – не удержавшись, упрекнула Василиса.

Варвара метнула в нее взгляд, точно камень:

– Тебя еще не слышали, приبلудная! Гляньте, бабы, по среди нас нашелся! Проповедовать она будет! Да чего ты в жизни знаешь, чего ты видела, чтобы судить?! На тебя, хворостину тощую, ясно дело, ни один мужик не позарился, че-

рез это с нами и тащишься, чтоб хоть у черта на куличиках кого-то подцепить. Тьфу, паскуда!

Обомлевшая Василиса задохнулась от оскорбления. Возбужденные бабы переговаривались вполголоса, но вступаться за девушку никто не спешил. Язык у Варвары, что когти у кошки! Боялись.

– Вот он деготь полез, – вдруг отчетливо и горько проговорила Устинья.

И все замолчали.

XI

«...Никогда не почитала я себя праведницей, а, обратно, по делом моим последней грешницей...»

Едва миновали Перекоп, Устинья слегла. И не сказать, что болезнь ее подточила, нет, но лежала и не вставала, и не хотела жить. Лишь время от времени шептала что-нибудь Василисе, вспоминая отходящую от нее жизнь, из одних только горестей и состоявшую.

– Как вышла я за порог – детки кричат, надрываются, а свекруха не на радуется: «Ну, наконец-то привел Господь! Вывелась срамота с нашего двора! Чтоб тебе и вовсе пропасть дорогой, курва!» Видать, сглазила она меня, пропадаю, Васёна.

– Офицер сулит, днями до города доберемся, – ободряюще шептала Василиса, с дрожью в руках приглаживая Устиньины волосы. – Там гарнизон большой стоит – найдем попа, соборует он тебя, оклемаешься. Батюшка мой ежели кого соборовал, тот и со смертного одра вставал.

Устинья слабо мотала головой по рогоже, застилающей сено в телеге. Сидеть уж не могла, лежала, устремив взгляд в безоблачное, неистово синее небо. Яростное солнце жгло ее беспрепятственно, и когда Устинью положили на белые простыни в бахчисарайском госпитале, Василису ужас-

нуло черное, как головешка, лицо подруги. Припала она губами к ее лбу и долго покрывала его поцелуями.

– За деток моих молись, – неожиданно твердо и внятно произнесла Устинья. – За рабов Божьих Трифона, Филиппа, Ефимью. Свекрови их смерть одно облегчение, на нее надежды нет, а ты отмолишь, в тебя верю.

– В меня? – у Василисы дрожь прошла по телу.

– В тебя. Молитву праведницы Господь услышит.

– Да какая ж я праведница?! – пораженно воскликнула Василиса. – Да я паче других...

Устинья сжала ей руку, заставляя замолчать.

– Ты меня пожалела, – проговорила она, глядя девушке в глаза. И вдруг с остановившимся взглядом, откинулась на подушку.

Сквозь слезы не разбирая дороги, выбралась Василиса на воздух. Снаружи ярко сияла жизнь. Огромный цветущий куст при входе в госпиталь искупал ее в своем аромате. Целые водопады роз выплескивались на улицу из глухих двориков татарских домов. Виноград подобострастно вился под резными деревянными решетками балконов на домах побогаче. Солнечное золото было словно растворено в воздухе, и становилось совершенно не понятно, откуда берется смерть в этом жарко благоухающем раю.

Присев на какой-то камень, Василиса отняла руки от мокрого лица. Чуть поодаль похорошевшая в дороге от безделья Варвара, хохоча, заигрывала с солдатами. И впервые с

болью задумалась девушка о том, почему так стремительно покидают земную юдоль самые чистые, нежные, светлые, в то время как истлевшие душою, точно сорная трава, впиваются в жизнь своими злыми корнями и прочно держатся в ней, пусть даже и губя других.

Подошел к ней офицер, тот самый, что возглавлял их казенную команду и имел на девушку виды, и встал, заслоня солнце и недобро на нее глядя.

– Давай, поторапливайся! – приказал он. – Едем в селение Ахтиар, это почитай что день пути.

– А там что? – отважилась спросить поповна.

– Там дороге конец, – усмехнулся офицер, и непонятно было, так оно на самом деле, или нет.

XII

«...И помыслить я не могла, что когда-нибудь совершу нечто подобное...»

Едва взобравшись на слежавшееся сено, чтобы тронуться в путь, ощутила Василиса, как вошел в ее душу страх, потеснив горе. После Бахчисарая женщин на подводе осталось всего ничего: местное начальство отрядило остальных в те или иные села, где жили русские поселенцы. Лишь двоим, помимо нее, припало ехать в Ахтиар, и мог бы их сопроводить всего один солдат, но нет, и офицер с ними отправился. Уж не затем ли, чтобы хоть в конце пути, но все же взять свое, ради чего он увез ее, беглянку, из Калуги? И ведь ничто ему уже не помешает, улучит момент, и пропала она... Все холоднее и холоднее становилось у Василисы внутри, все уверенней и наглее взглядывал на нее офицер, все жарче и жарче палило солнце, и, казалось, не будет тому конца.

Дорогой почти не разговаривали – каждый был погружен в свое. Василиса пыталась вообразить себе, что ее ждет, доберись она благополучно до Ахтиара, и вообразить никак не могла. Сызнова замуж идти за кого прикажут? Нет уж, увольте нарушать закон божий и человеческий! Под венец ей дороги нет. А кроме как под венец куда податься?

И вдруг, обрывая душу, пришло к ней осознание того, что

путь к людям, в их беспрестанную суету, радости и горести, ей покамест заказан. Не сыскалось еще для нее, Василисы Покровской должного места в этом мире. Не девкой же солдатской становиться, право слово, хоть ее принудить к этому и хотят!

Даже вздрогнула Василиса от такой мысли и села прямее, оглядываясь по сторонам. С обеих сторон дороги тянулись белые от ромашек поля, обрамленные на отдалении горами. Но до гор поди доберись, не бежать же в чистое поле! Размышляла поповна, прикидывала, выжидала. И дождалась: под вечер жара начала спадать, горы с одной стороны подошли вплотную к дороге, и покатила их подвода вдоль невысокого обрыва. Василиса, вся напрягшись, приглядывалась к нему, и сердце замирало от предчувствия: пора! Обрыв пологий, оползневой, если и скатишься, не убьешься. Девушка взялась за свой узел, незаметно передвинула его к самому краю телеги, цепенея, выждала момент, когда подвода начнет поворачивать за выступ горы...

– Куда? Стой! – заорал офицер где-то наверху.

А Василиса и вскрикнуть не могла – пыль душила ее, забивая и нос, и горло, и глаза. Щебень, сухая глина и обломки горной породы, колотя и царапая девушку, мчали ее к подножью, крутили и переворачивали вверх ногами. Домчали, и встать не смогла – от страха ослабели ноги. Так и побежала она вдоль склона, потешно приседая, и непременно догнал бы ее офицер, если б вознамерился прыгнуть следом. Но,

то ли духу не хватило, то ли, решил уже плюнуть на несговорчивую девицу, погони не было. Однако Василиса о том не знала, от страха не слыша и не видя ничего вокруг, и сама не разумея, куда ее ноги несут.

Вдруг точно зеленая стена выросла перед ней. Сгоряча ткнулась девушка, но тут же отпрянула с воплем вся в глубоких царапинах: заросли ежевики резали, как пилой. Но, сквозь боль просияло в голове: уж там-то не доберутся до нее! Всхлипывая, нашла-таки место, где ежевичные кусты расступались, и, пригнувшись, кое-как протиснулась в заросли.

Господи! Что ж за лес такой дьявольский вырос! И не продерешься сквозь него: как ни повернись, всюду колет, режет, рвет. Что не ветка, то сухой крюк, что ни куст, в кровь раздирает ноги. И рукава у рубашки уже лохмотья, и чулки – лохмотья; лицо, щиколотки, руки – все в кровавых ссадинах. Уж и не всхлипывала девушка, а лишь беззвучно стонала всякий раз, когда острый шип вспарывал ей кожу. Но, как ни мучалась плоть, а душа радостно дрожала: ушла! От греха ушла, и от злой судьбы, и от всего того мучительства, что ожидали бы ее с еще одним постылым супругом.

Тем временем навалилась на землю тьма – ночь в этих краях наступала стремительно – и Василиса в изнеможении прилегла, найдя просвет меж шипов и колючек. Вместе с тьмой потянуло прохладой, и девушка выпростала из узла свой тулуп, завернулась в него и подложила остальное тря-

пье себе под голову. Сон настиг ее в одночасье, как смерть, и черной своей волной затопил в голове все земные печали.

* * *

Кто только ни находил себе приюта в Крымских горах! Не слишком высокие, с ровными зелеными плато наверху, изобилующие сухими, пригодными для жилья и хозяйственных нужд пещерами, они как будто специально поднялись над землей, чтобы давать убежище тем, кто гоним. Мирным земледельцам, укрывавшимся от воинственных кочевников; христианам, бежавшим из захваченной турками Византии; и, наконец, монахам.

Екатерина II была далеко не первой кого посетила донельзя христианская мысль разорить церковь, дабы пополнить свою казну. За десять веков до нее церковные владения стал прибирать к рукам византийский император Лев III. Однако, он, в отличие от бесцеремонной немки на российском престоле, не решился действовать напрямик, а нашел для своих гонений идеологическую подоплеку. Почитание икон объявили язычеством. По приказу властей разрушались храмы с росписями, уничтожались намоленные изображения святых, закрывались монастыри. Ища спасения от этого святотатства, священники, монахи, да и некоторые миряне бежали за море, на север – в Крым, где со вздохом облегчения находили райский климат и уютные пещеры-кельи на склонах

гор, оставшиеся еще со времен первых христиан на крымской земле.

Так возникли в Тавриде пещерные монастыри. Один из них, монастырь святого Климента, ставший впоследствии самым крупным, располагался неподалеку от селения Ахтиар на берегу Черной реки, впадающей в Черное море. После захвата Крыма турками в 1475 году монастырь обезлюдел, и к тому моменту, как обессиленная Василиса рухнула на землю в зеленых зарослях (и, сама о том не подозревая, в нескольких сотнях метров от обители) там не осталось ни единого насельника.

Зато остался полуразрушенный храм и пустые кельи на склоне горы. Живи себе, молись, да залечивай раны, душевные и телесные. А что, собственно, еще ей оставалось делать?

XIII

«...Благодарю тебя, Господи за то, что сподобил меня еси прожить день сей...»

Таковыми словами предваряла Василиса отныне каждый вечер свое молитвенное правило. Пылала в душе благодарность, как свеча, зажженная у образа, благодарность, никогда доселе ее не озарявшая. День миновал, и никто не вторгся бесцеремонно в ее уединение, не схватил, не увел силком. Призрел Господь и на телесные ее нужды и послал ровно столько пищи, сколько должно быть потребно, а ежели мнится, что надо бы хоть чуточку больше, так то от недостатка смирения. Не райский ли сад ее окружает, где земля в изобилии родит плоды, и вовсе никакого труда не нужно, чтобы ими насладиться? Вон сколько сладкой ежевики созрело вокруг, сколько диких слив, абрикосов да шелковицы! Попасешься у кустов да под деревьями, собирая паданцы – вот живот на время и полон. А как опустеет – напиться следует поболее, благо речка в двух шагах. А ежели и после голод скрутит, как бывало уж не раз, делать нечего: доберись до татарской деревушки поодаль, дождись, чтобы какая-нибудь женщина одна осталась в саду, и с низким поклоном протяни руку. Добры к ней были татарки, до того добры, что порой у Василисы слезы на глазах выступали от благодарности.

То лепешку подадут, то мешочек орехов – то-то праздник! Да буде и просто с грядки сорвут незнакомый исчерна-синий овощ с бело-зеленой мякотью, и то слава Богу! Василиса приспособилась разламывать его, класть на раскаленные камни в самый разгар дневного пекла и держать так, пока не спадет жара. После этого овощ мягчал изнутри, и есть его становилось способнее. А как-то раз вынесли ей рыбки сушеной, и, обглодав каждую косточку, обсосав каждый хрящик так, что и муравьям нечем было на рыбьем скелете разговляться, ощутила Василиса, что все ее утерянные силы разом к ней вернулись. Выиграла душа, и сердце в пляс пустилось.

Платья же и вовсе было у нее в достатке. Правда, сарафан так истерзан шипами, да колючками, что носить его – чистый срам! Но на что он ей в здешнем жарком мареве? Одной рубахи подпоясанной достанет. Правда, у рубахи все рукава в ключья изорваны, ну да рваное оторвать легко; оно и легче в жару без долгих рукавов. Сапожки вот только развалились совсем, ну да ноги можно и холстом обмотать, благо холст у нее в узелке припрятан. Здесь обмотать, там подвязать – вот и обувка. Одетая, обута, накормлена – живи да радуйся! В келье-пещерке чисто да сухо, ночью камень тепло отдает, холодает лишь под утро, но на то у нее тулуп имеется. На одну полу ляжешь, другой накроешься – и спи себе спокойно. Благодать!

А из каменного киота наверху, невесть когда в этой пе-

щерке высеченного, на спящую иконы смотрят. С тревогой – Спаситель, с болью – Богоматерь. Сколько уж дней прошло со времени ее побега, а никого, кроме них так и нету подле Василисы.

XIV

*«...У тех, кто ко мне прибегал, старалась уврачевать
я душевные язвы и облегчить бремя скорбей...»*

– Здравствуй, матушка! Извини, что потревожила.

Что за диво! Стояла перед ней настоящая барыня в кружевном капоре, затянутая в шелка и пунцово-красная, что ее платье. Часто дышала, облизывая губы – трудно дался ей подъем в гору! Виднелась внизу ее коляска, запряженная двумя лошадьми, и лошади были – вот потеха! – в самых настоящих шляпках от солнца с прорезами для ушей.

– Здравствуйте, барыня! – Василиса взволнованно поклонилась в ответ.

И смущенно добавила:

– Уж не обессудьте: и усадить мне вас некуда, и воды поднести не в чем – всякий раз напиться к реке хожу.

Барыня милостиво махнула рукой:

– Я уж приучена сама спасаться в этой жаре, – сказала она, доставая из атласного мешочка флягу и делая долгий глоток. Оглядевшись, присела на камень, и тут заметила Василиса, что барыня, должно быть, на сносях, а не толста, как показалось ей вначале.

– Давно ли здесь обретаешься? – спросила барыня.

– Да, почитай, с Троицы.

– А сама откуда?

– Из-под Калуги.

Барыня покачала головой:

– И как тебя благословили подвизаться тут одной за три-девять земель?

– Да ведь в наших краях чернецам теперь не житье, сами, небось, знаете, – объясняла Василиса, со смущением сознавая, что принимают ее не за ту, кто она есть: за инокиню, а не за беглянку.

Барыня покивала в ответ:

– Да уж, слышала, хоть который год за мужем по гарнизонам таскаюсь...

Порасспрашивала Василису еще немного: о ее имени (и сама назвалась – Софья Романовна), о житье-бытье, но явно ощущалось, что приехала она не из одного праздного любопытства – поглядеть на юную пустыницу, о которой, видимо от татар, подававших ей милостыню, молва дошла до русского гарнизона. Веяло от нее горестью, и Василиса решила спросить:

– А вы, барыня, с какой бедой ко мне пожаловали?

Барыня вздрогнула:

– Ишь ты, прозорливая, угадала! Беды-то у меня особой нет, расстройство только... Да я не за советом к тебе, а так, поглядеть, как и что. Узнать, может, нужду в чем имеешь...

Василиса молча ждала, чувствуя, что боль, переполняющая барыню, вот-вот прорвет запруды нерешительности. Так

и случилось. Сперва неловко и косноязычно, а затем все более и более распаляясь от жалости к себе, принялась Софья Романовна повествовать о горькой своей доле.

Жребий ей выпал такой же, как и большинству верных офицерских жен: позабыть про свои желания, привычки да чаянья и прожить не свою жизнь, а жизнь супруга как если бы и вправду были они единым целым. Странствовать вместе с ним по тем дорогам, на какие сама ногой бы не ступила, заботиться, утешать, врачевать раны, ободрять и вдыхать надежду. Все это выполнила она с честью, не в чем себя упрекнуть. Да между делом двух деток подняла, а третий вон в животе поворачивается. О себе и не думала никогда, себя не жалела, а к чему пришла? Опостылела супругу, и не ищет он в ней больше утешения, а одну лишь доuku видит. И лицо ее не мило, и сама не мила, да и, по правде сказать, вся милость с нее сошла от дорожных лишений, от скудного гарнизонного бытья, да от того, что и сына, и дочь сама вынянчила, без мамок, да без кормилиц.

– И что я теперь, и куда? Всю жизнь на него положила, а выходит, что зря. Нужна ему, как ломоть заплесневелый! Чем Бога прогневала?

Текли слезы, рвалась душа. Молчала Василиса, приискивая нужные слова. Тяжко ей было от того, что принимают ее за старицу, за советом вот пришли, а какой совет она, юная и неискушенная в житейских перипетиях, может дать? Ей самой бы кто присоветовал, как дальше судьбу свою устроить!

И вдруг точно костяшкой по лбу стукнула мысль: да какое ты право имеешь отпустить эту нуждающуюся в тебе женщину без утешения, какого бы то ни было?! Что твой батюшка сказал бы ей в ободрение, то и ты скажи! И медленно, будто слыша откуда-то издалека батюшкины слова и повторяя их, проговорила Василиса:

– Так ведь и Иов-праведник Бога ничем не прогневал, а сколько ему испытать довелось! Только в скорбях и встречаемся мы с Богом, а в радости забыть о нем готовы.

Отерев глаза, барыня изумленно слушала.

– Пока Господь нам счастье дает, разве мы к нему прибегаем? Счастливы и хорошо! Нет чтобы вспомнить, кому тем самым счастьем обязаны. Мы как те девять прокаженных, коих Иисус исцелил, а они и «благодарствую» сказать не удосужились. Только десятый о Боге вспомнил и вернулся, неужели ему не воздастся? Вот и вам Господь попускает пострадать, чтобы вы к нему обратились. Обратитесь – воздастся и вам. Господь вам руку протянул – вот что вы получили за свои труды, а не мужнину холодность, как сами думаете.

– И то правда! – пробормотала Софья Романовна. – Раньше обедню выстаивала, а сама гадала, где бы в этой дыре швею достать – обносила ведь вся. А теперь детей уложу и начинаю плакать, да молиться, чтобы с мужем у нас было все по-прежнему. А исполнит Господь мою молитву, как ты думаешь?

Барыня жадно вглядывалась в ее лицо, но Василиса покачала головой:

– Господь вам не холоп, чтобы исполнять немедля, что ни скажут. Вы благодарите его лучше почаще.

– За что же? – изумилась Софья Романовна.

– А за все. За то, что живы и здоровы, равно как и детки ваши. За то, что есть у вас и кров, и пища, за то, что на такую красоту смотрите каждый день, – Василиса повела рукой вокруг себя.

– А о муже молиться можно? – робко спросила Софья Романовна.

– Можно, – поплыли в улыбке Василисины губы. – О том, чтобы его в бою не сразили.

Барыня опустила голову.

Прощаясь, она расцеловалась с Василисой и, обнимая, крепко прижала к себе.

– Тяжко тебе, поди, одной-то? – спросила она.

Василиса покачала головой:

– С людьми тяжелее. А когда с тобой один лишь Господь, какие труды?

Барыня глянула на нее столь уважительно, что Василисе даже забавно стало. После, провожая ее коляску взглядом, ощущала девушка и неловкость, и радость одновременно. Негоже, конечно, ее за старицу почитать, но ведь утешила, помогла! И слова нужные на язык пришли, даром, что молодая. Словно бы батюшка через нее Софью Романовну увеще-

вал... Да, кто знает, может, так оно и было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.